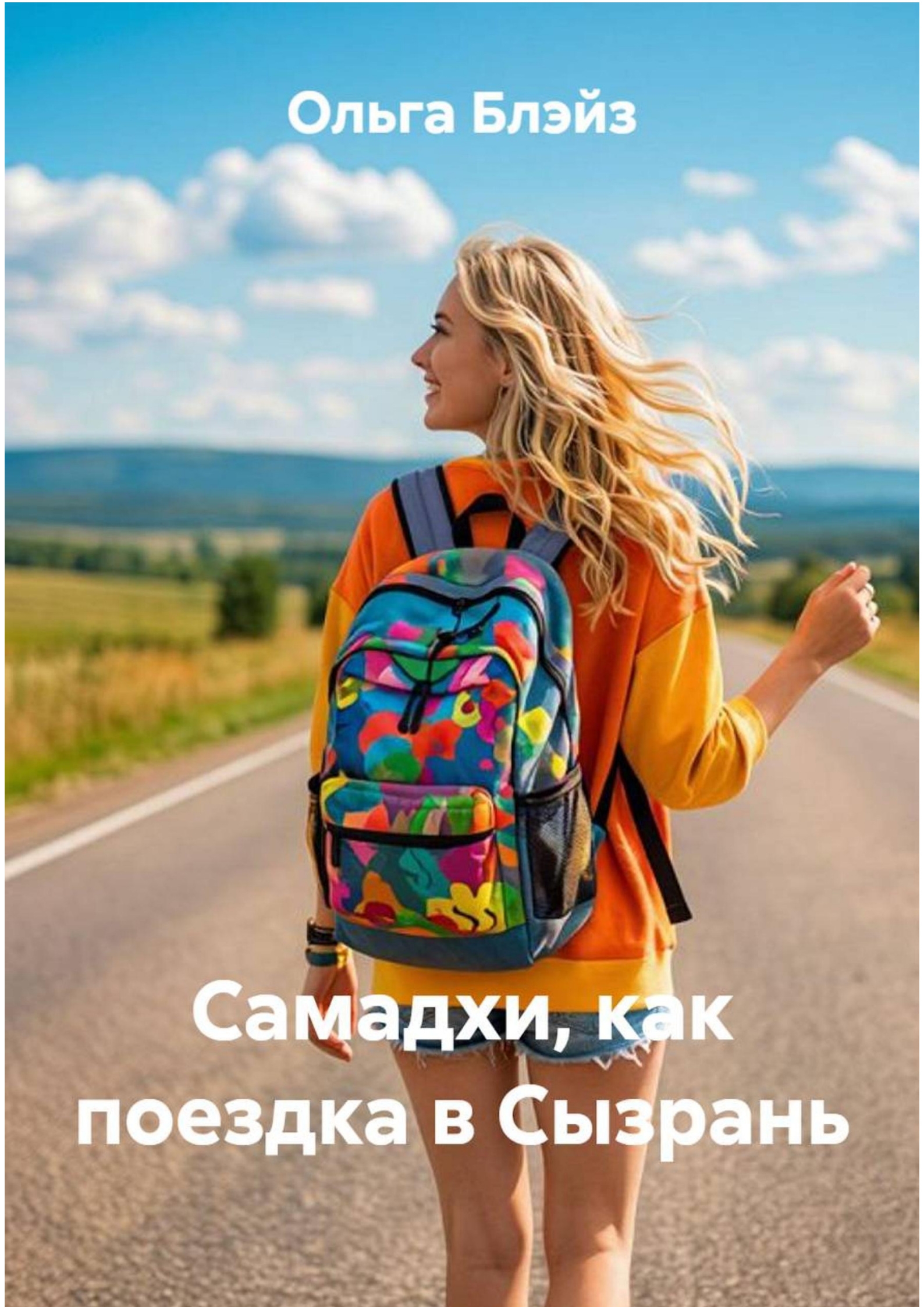

Ольга Блэйз

**Самадхи, как
поездка в Сызрань**

Ольга Блэйз

Самадхи, как поездка в Сызрань

«Автор»

2026

Блэйз О.

Самадхи, как поездка в Сызрань / О. Блэйз — «Автор», 2026

Это женское роуд-муви одной сумасшедшей =блондинки, где сошлось многое - риск, азарт, приключения, размышления, отступления и ответвления дорог и мыслей. Это часть пути по дорогам жизни, где и весело, и страшно, и грустно и прекрасно!

© Блэйз О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Самадхи, как поездка в Сызрань

Глава

10 ноября 2022 года я навсегда уезжала из Красноярска, в котором родилась, выросла и прожила больше пятидесяти лет, в город Невинномысск недалеко от Ставрополя. Собрала вещи, почти как в детском стишке Маршака «Дама сдавала в багаж» – диван, чемодан, сак-вояж, корзину, картину, картонку и маленькую собачонку. В роли собачонки был мой любимый шотландский кот Антон Палыч, и он до времени пока оставался в Красноярске. Ну, а в остальном было очень похоже – пуховое одеяло, подушки, лохматое уютное покрывало, утюг, кастрюли, сковороду, зачем-то ведро и пластиковый таз, ложки-вилки-тарелки-вазочки и прочие мелочи, с которыми я не могла почему-то расстаться. Это не говоря уже о ворохе одежды на все сезоны. Погрузила всё это в свой маленький, верный хэтчбек по имени Витюша. Вообще-то это была полноприводная Toyota Vitz, но так сложилось, что все мои авто носили мужские имена, созвучные с названием их марок. Первый – Honda Fit, - кстати, тоже был Витей. Потом был Nissan Note, который при крещении российскими дорогами в моем исполнении получил имя Саня. Среди моих четырехколесных преданных мальчиков затесалась как-то одна баба. Вредная, строптивая, капризная Nissan Terrano - тиранозавриха. Мы с ней не сошлись характерами и почти сразу не возлюбили друг друга. Я не знаю, как мужчины ощущают своих «ласточек» и прочих птичек, но я вправду всем нутром чувствовала, что эта машина женского пола в своих худших бабских проявлениях. Она была других габаритов, к которым я никак не могла приспособиться ни на парковках, ни в колеях, являвшихся неотъемлемой частью моих ежедневных поездок из загородного дома, где я жила, на работу. Доходило до того, что зимой, въехав на деревенскую заснеженную улицу с высоченной колеей, замучившись ее выравнять, когда она меня мотала из стороны в сторону, я приотпускала руль и говорила вслух: «Да едь ты куда хочешь!». Благо скорость была минимальна, а улицы пустынные. В общем, рассталась я с ней очень быстро, вернувшись к своим маленьким, послушным, управляемым, дружелюбным японским ребятам.

Но я отвлеклась. Мой нагруженный Виктор представлял собой настоящий дом на колесах. Я уезжала с кучей вещей, абсолютно легким сердцем и радостным предвкушением поездки. Никаких страхов, сомнений, печали, горечи расставания. Внутри меня было ясное знание, что завершился определенный огромный период моей жизни, здесь мне больше нечего было делать. Я с легкостью вытащила свои корешки из родной земли и распахнула объятия навстречу неизвестному. Этот переход совершился естественным, безболезненным образом. Мне стали очень утомительны долгие сибирские зимы, которые я так любила когда-то в детстве. Теперь, видя скоротечное лето, начинающую в августе желтеть листву деревьев, у меня было ощущение, что я каждую осень умираю вместе с природой до следующей весны. А весна в Сибири поздняя. А лето короткое. Есть такой анекдот про северное лето: «Лето в этом году было хорошее, но я в тот день работала». И я решила, что больше так не могу, я хочу на юг, я хочу тепло, я хочу, чтобы зима длилась максимум 2 недели, я хочу воткнуть палку в землю, и чтобы на ней расцвели цветы и абрикосы, или что там, не важно. А не так, как у меня на участке, ходишь за этими кустиками, яблоньками, то укутаешь, то опрыскаешь, то зеленая на ней тля, то красная, то белая, то черная, то все засохло, то замерзло.

Как я ни любила свой дом, выстраданный, красивый, уютный, я продала его без сожаления. Сожаления вообще не моя история. Есть поступки и есть их последствия. И в любом случае вы получаете либо положительный результат поступков, либо классный урок от жизни, если вдруг что-то пошло не так, как вам хотелось. Главное не сидеть в болоте в раздумье и метаниях – делать или не делать? а вдруг не получится? а вдруг будет хуже? Пока человек

мечется между «а вдруг» и «а что, если», его задница остается в болоте и погружается все глубже. А что хорошего нас ждет в болоте? В лучшем случае Дуремар, в худшем – одни пиявки. В общем, я была готова круто изменить свою жизнь, ведь по большому счету меня ничего не держало здесь. Я была свободна от уз супружества, два моих сына были уже взрослыми – 26 и 22 года. Оставалась старенькая мама. Когда я продала дом, мы снова стали жить вместе, как много лет до этого. Мама имела кучу хронических заболеваний, включая онкологию. Она именно уходила из жизни, как уходит человек из ставшего чужим дома. Её больше перестало это интересовать, она устала. Последнюю неделю она почти не вставала. Бог очень любит нас, поверьте. Мама не страдала от болей, хотя онкология сожрала ее желудок, она не могла есть практически ничего. Накануне вечером я ее спросила: «Хочешь встать, посмотреть в окно, погода хорошая». Она ответила: «Не хочу. Зачем?» Я ее спросила: «Мам, а тебе страшно?» Она сказала совершенно спокойно: «Нет». В последний вечер я читала ей сказку Пушкина. Я спросила: «Мам, а какие сны тебе снятся?» Она сказала: «Я вижу себя молодой». Она уснула, а утром уже не пришла в сознание. Говорят, что каждому человеку на эту жизнь отпущено время, измеренное не количеством лет, а количеством дыханий. Я его видела, тот самый последний вздох. Я сидела рядом с ее изголовьем, она тяжело дышала открытым ртом, глаза полужакрытые, зрачки быстро и как-то напряженно бегали туда-сюда, как будто она видела что-то, что уже не от этого мира. И в какой-то момент её всё более угасающее дыхание прекратилось. Тишина и бездвижное тело. Всё кончилось. Но через несколько долгих-долгих секунд она неожиданно очень глубоко, всколыхнувшись всей грудной клеткой вздохнула и выдохнула. Видимо именно этого вздоха не хватало ей до её последнего счета жизни. Когда она умерла пятнадцатого сентября, ей было 83 года. Я плакала, стоя у окна её спальни. Не по ушедшей маме, не по тому, что больше мне будет некому сказать это слово «мама». Это было, но в гораздо меньшей степени, чем ощущение печали, горечи от того, как проходит жизнь человека. Моей маме было дано от рождения очень много – внешняя красота, сильный характер, пылливый ум и редкий вокальный талант. У мамы было редкое природное сопрано, очень чистый, серебряный голос, она виртуозно, с необычайной легкостью брала самые высокие ноты, она могла исполнять и оперные арии, и народные песни. Нигде не училась, но пела всегда – солировала в школьном хоре, потом участвовала в разных самодеятельных коллективах. Я не понимала – почему, ну, почему она не пошла учиться в консерваторию. Ведь могла, была такая возможность. Нет же, она пошла учиться на ткачиху в своем родном Юрьев-Польском, а в 1961 году уехала за шесть тысяч километров в Красноярск. Мне было больно, что она могла бы прожить совсем другую жизнь, реализовать свой величайший дар и, возможно, быть гораздо более счастливой. Когда я подростком спрашивала маму об этом, она очень уклончиво отвечала, что тогда она бы не встретила моего отца и меня не было бы на этом свете. А я упрямо ей отвечала, что я все равно была бы, просто я была бы другой. Вот такая метафизика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.